

ской историографии», вышедшей в Вене в 2002 под редакцией профессора Г.Штурца. Эта дискуссия в освещении выжнейшей проблемы европейской историографии XXI века показывает, что *Анналы* утрачивают свое авангардное положение в современной западной исторической науке. Это изменение масштаба, утрата ведущей позиции, места, которое в прошлом *Анналы* занимали в исторической науке и вызывает сомнения у историков, а состоялись ли «четвертые» *Анналы* или это *Анналы* так называемого «переходного периода».

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев Ю.Н. Историзм против эклектики: Французская школа «Анналов» в современной историографии. М., 1983. Ревель Ж. История и социальные науки во Франции. Новая и новейшая история, 1998, №4.
2. Трубников Н.В., Уваров П.Ю. Пути эволюции социальной истории во Франции. Новая и новейшая история, 2004, №6.
3. Гуревич А.Я. Загадка «Школы Анналов»: Революция во французской исторической науке или об интеллектуальной ситуации современной историографии. // *Arbor mundi*. М., 1993, вып.2. Его же. Исторический синтез и «школа Анналов». М., 1993.
4. Бессмертный Ю.Л. Споры о главном: международный коллоквиум «Школа Анналов» вчера и сегодня. // Новая и новейшая история, 1990, №6.
5. Репина Л.П. Новая историческая наука и социальная история. М., 1998.
6. Рохас К.А.А. Критический подход к истории французских *Анналов*. М., 2006.
7. Darnton R/ The Forbidden Bestsellers of the Pre-revolutionary France. N.Y., 1995.
8. Кока Ю. Современные тенденции и актуальные проблемы исторической науки в мире. // Новая и новейшая история, 2003, №3.
9. Контрерас Х. Инквизиция и тайные иудеи. С.-Пб., 2004.
10. Ястребицкая А.Я. О культурологической природе историографического: взгляд из 90-х. // XX век: методологические проблемы исторического познания., ч.1, М., 2001.
11. Исламов Т.М. Европейские истории о европейской истории. // Новая и новейшая история». № 5, 2003.

Самаркин С.В., магистр истории

Костанайский государственный педагогический институт

САМОВОЛЬНЫЕ И ВРЕМЕННЫЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ В ТУРГАЙСКОЙ И АКМОЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Официальный переселенческий процесс в Западную Сибирь и Казахстан в конце XIX – начале XX века шел одновременно с самовольным. Главной причиной самовольного переселения в регионы Северного Казахстана становятся слухи о «крестьянском рае». Особенно подобная проблема демографического развития коснулась Кустанайского уезда Тургайской области, Петропавловского и Кокчетавского уездов Акмо-

линской области. О них и пойдет речь в настоящей статье.

Вокруг только возникшего города Кустаная (в 1879 году) сразу создаются переселенческие поселки для распределения городского отвода. Расположившийся за Тоболом, в 3 км от Кустаная, поселок, созданный самовольно, без разрешения властей, получил в народе название «Самодуровка» (поселок Затобольский). Причем, первоначально – самовольный поселок, организовавшись в 1878 го-

ду, уже в 1880 годы ранее всех других арендаторских поселков получил административное устройство, «в остальных десяти – общества и волости были образованы в начале 1893 года» [1, с. 209].

Как отмечает исследователь переселенческого вопроса А.А. Кауфман, первые переселенцы Кустанайского уезда «...были твердо уверены в том, что генерал Проценко выхлопочет им более прочное земельное устройство; как крепка была эта уверенность, видно хотя-бы из того, что переселенцы... ..засыпали военного губернатора жалобами на то, что уездный начальник «заставляет платить аренду», причем высказывали убеждение, что арендные договоры заключены «только так», для вида, в действительности же земля отведена им в бесплатное надельное пользование» [2, с.28].

Самовольные поселки создавались стихийным образом, без всякого учета интересов местного населения. Вот, что пишет о создании Александровского и Романовского поселков Кустанайского уезда А.А. Кауфман в работе «Переселенцы-арендаторы Тургайской области»: «... небольшие группы переселенцев, облюбовав место, приступали, никого не спрашивая, к устройству землянок, и уже, так сказать, *post factum*, подарками и раболепным поведением склоняли киргиз разрешить им проживать и пользоваться землей на облюбованных местах» [2, с. 62]. Подкуп сменялся угрозами, далее следовали жалобы коренного населения на произвол переселенцев. Жалобы чаще всего оставались без внимания, что приводило к столкновениям между коренными и пришлыми. Но на общий процесс это в целом мало влияло.

Другой момент усиления самовольного переселения – временное бездействие местной администрации. Об этой излишней административной вольности сообщается в работе того

же А.А. Кауфмана «По новым местам». Итак, по данным автора, один из первых жителей города Кустаная, затем немало поскитавшийся по территории Степного края, сообщал следующее: «Я еще в Кустанае жил, в вольном городе, из первых жителей был, как начальство наклик делало, Кустанай населять. ...Народу первое время мало было, киргизы вовсе были просты, землю задаром отдавали... паши сколько хошь. Выгон тоже городской пахали – первые года он неделимый был: у кого сколько силы было, столько и запахивал» [3, с. 236-237]. Однако с переносом уездного центра в Кустанай в 1887 году «самовольческий рай» прекратился: «Ну потом уж того не стало, – повествует все тот же переселенец, – казаков в Кустанае поставили, уездный на жительство перешел. Ну, тоже не сразу смирились: только с голодного году (вероятно, 1891 – С.С.) – вот тому десятков лет был, аль поболее – присмирили: поразбрелись тоже которые: кто на Ишим ушел – знаете небось, под Кочетовом (Кокчетавом – С.С.) городом – там наших много; кто в Ташкенте, кто в поселки да на хутора – без мала что половина народу поразбежалась...» [3, с. 237].

Государство, по сути, на некоторое время сняло с себя ответственность за происходящее, наблюдая за процессом переселения со стороны, особо не вмешиваясь, надеясь, таким образом, на разрешение крестьянского вопроса в стране самого по себе. Крестьяне же, получив экономическую свободу, пытались воспользоваться ею сполна. Все тот же Кауфман А.А. неоднократно обращается к административной безалаберности: «...О существовании Боровского поселка, возникшего в 1883 году, уездный начальник, полковник Караулов, узнал, по-видимому, только в январе 1887 года, и то только потому, что получил жалобу от киргиз, недовольных водворением на их земли русских по-

селенцев; о существовании Александровского поселка, возникшего в 1885 году, уездное начальство узнало летом 1886 года; в первом оказалось уже 42 двора, во втором – тоже до сорока, – и уездному начальнику оставалось только санкционировать существование поселков, что он и сделал, приказав поселенцам выбрать себе старосту» [2, с.28-29]. Остальные поселки, возникшие в уезде, оказывались уже под строгим контролем администрации. Однако, несмотря на «усиленную» деятельность чиновников, «... лишь ничтожное меньшинство проживающих в поселках переселенцев оказалось имеющим надлежащие документы. ...К декабрю 1894 года оказались перечисленными всего 546 семей, из них 241 по поселкам Александровской волости, 305 – по Боровской волости, а к середине 1896 года число причисленных достигло 828 семей или 54 % общего числа переселенцев, состоящих налицо в поселках; по поселкам Александровской волости причисленных было 416 семей или 50 %, по Боровской – 412 семей или 59 % общего числа наличных поселенцев» [2, с. 35].

Самовольные переселения особенно усилились на рубеже XIX – XX вв. Рост новых несанкционированных поселений срывал, по мнению П. Кокоулина, весь процесс переселенческого движения, пока «... 5 октября 1902 года не последовало распоряжение Министерства Внутренних Дел об устройстве на участках всех поселившихся на них крестьян-земледельцев, ведущих хозяйство обычного крестьянского типа... Таким порядком в течение 1903–1904 гг. было водворено на переселенческих участках Кустанайского уезда и причислено до 40 тысяч душ обоюбого пола». Тем не менее, статистические данные говорили и о 35 тысячах неучтенных крестьян по всему Кустанайскому уезду [1, с. 211-212].

Кустанай в то время, действительно, стал одним из центров официальных и самовольных переселений в Степном крае. Однако его чаще использовали как транзитный центр. Главные же переселенческие, а вместе с тем и самовольческие процессы пошли в Акмолинской области.

«Рядом с официальной колонизацией степей в... 70-ые годы начинается колонизация самовольная, – сообщает статистик Коншин Н., – по почину самих крестьян, без всякого разрешения поселявшихся на избранных ими участках киргизских земель, по арендному договору с владельцами последних, а часто и без согласия их. Заступивший место ген.-ад. Казнакова Генерал-Губернатор Колпаковский был убежден в полной, будто бы непригодности степей для земледелия, и при нем принимались самые решительные меры к прекращению самовольного переселения крестьян в Акмолинскую область. Несмотря, однако, на все подобные меры это движение не прекратилось...» [4, с. 3]

Особое внимание самовольному переселению уделяют «Обзоры областей». Обзор Акмолинской области за 1894 год сообщает следующее: «Первыми самовольными поселенцами в Акмолинской степи были тобольские и пермские крестьяне, которые в качестве арендаторов киргизских земель под хлебопашество, поселились в 1866 году при оз. Кривом («Саумалкуль»), в Кокчетавском уезде, и ко времени открытия административной колонизации образовали здесь целое селение (до 50 домов). В 1884 году теми же крестьянами были основаны самовольные поселения: Явленное (на р. Ишиме в Петропавловском уезде) и Кундукульское (при оз. Кундукуль, в Кокчетавском уезде)» [5, с. 9].

Обзор Акмолинской области за 1895 год продолжал эту тему. Несмотря на приостановление официального переселения в Акмолинскую область по ходатайству Степного Генерал-Гу-

бернатора 1891 года «...самовольное переселение крестьян в область продолжалась, чему способствовал в особенности неурожай хлебов, охвативший большую часть Европейской России, Приуралья и Западной Сибири. Гонимые с родины крайней нуждой, крестьяне массой устремились через Акмолинскую область в Каинский и Барнаульский округа Томской губернии и в Семипалатинскую область, причем значительная часть их, застигнутая в пути поздней осенью, зимовала в Кокчетавском, Атбасарском и Акмолинском уездах, в городах Петропавловске и Омске и в попутных казачьих станицах и поселках (общее количество зимовавших в области крестьян достигало 7000 человек – С.С.)» [6, с. 10].

Из общего числа крестьян-переселенцев в области многие к концу XIX века оказались не только не водворены и не устроены хозяйственно, но даже еще и не причислены. По сведениям за 1898 год, в Петропавловском, Кокчетавском уездах число неустроенных и неводворенных крестьян было следующее: в Петропавловском – 454 семьи (4308 душ обоюбого пола), в Кокчетавском – 2191 семья (12600 душ обоюбого пола). «Означенные крестьяне, – сообщает «Обзор», – прибыли большей частью самовольно, из пострадавших от неурожая губерний (преимущественно Самарской)» [7, с. 11].

В 1902 году согласно изданию Акмолинского Областного Статистического Комитета в область переселилось 27065 душ обоюбого пола (4590 семей), большинство из которых составили временные (самовольные) переселенцы: «Неводворение-же их до последнего времени объясняется единственно тем обстоятельством, что крестьяне эти находили положение свое и более выгодным, и более независимым: арендуя у киргиз за ничтожную плату земли, они вместе с тем избавлялись от платежа не только

мирских и земских повинностей, но и казенных сборов, так как здесь в окладе не состоят, а учреждения прежних мест их приписки не знают о месте их настоящего пребывания. Кроме того, проживая на арендуемых землях, крестьяне заняты мыслью сесть на них постоянно и вынудить правительство отвести им тут переселенческие участки. Так, например, образовалось в Кокчетавском уезде (с 1898 года) селение «Самодуровское» (название дано по аналогии с поселком Затобольским Кустанайского уезда – С.С.), из 226 семейств (818 мужчин и 804 женщины) – переселенцы Самарской губернии» [8, с.5-6].

В связи с началом Русско-японской войны, а далее и революции «...переселенческое движение в Сибирь хотя и было приостановлено, – тем не менее, в Западной части Петропавловского уезда с начала мая (1904 года – С.С.) был замечен наплыв самовольных переселенцев из Кустанайского уезда, соседней Тургайской области. В течение лета 1904 года производилось водворение и зачисление крестьян (как вновь прибывших, так и временно проживавших) на свободных душевых долях, или же на вновь образованных в 1903 году переселенческих участках. В 1905 году, особенно был значителен наплыв самовольных переселенцев в область, судя по числу прибывших семей, а именно: в Омский уезд – 406 семей (1909 душ мужского пола), Петропавловский – 72 семьи (202 души), Атбасарский – 211 семей (696 душ) и Акмолинский – 167 семей (551 душа)» [9, с. 8-9].

Причины самовольчества были весьма разнообразными. Допустим, переселенцы не всегда точно определялись с пунктом приписки. Так, по данным Обзора Акмолинской области за 1909 год переселенцев, зарегистрированных в Челябинском пункте и прикрепленных к Акмолинской области, зарегистрировано 40624 души,

тогда как Омский и Петропавловский пункты зафиксировали 67923 души. Следовательно, 27299 крестьян, по сути, самовольно изменили первоначальный пункт следования. Большое количество переселенцев проходили через Петропавловский пункт без разрешения (25574). Именно они пополняли ряды самовольных засельщиков территории, обостряя и без того сложную демографическую ситуацию в регионе [10, с. 11]. Всего самовольцев в 1909 году оказалось по статистическим данным в Акмолинской области порядка 56,5 тысяч душ мужского пола.

Обзор Акмолинской области за 1910 год отмечает, что, несмотря на высокий уровень официального переселения, «... в колонизационном отношении наиболее интересна группа самовольных переселенцев, прибывших в область по паспортам за свой риск и страх, не воспользовавшись даже льготным тарифом» [11, с. 21]. Далее издание выделяет самовольцев, как категорию временно-проживающих переселенцев, и приводит данные за период 1901–1910 гг., согласно которым «... «самовольцев», проживающих в области более 5 лет – около 15 % всего числа (15302 семьи и 46220 душ мужского пола – С.С.) и прибывших в 1907 и 1908 гг. около 40 %. Таким образом, около 55 % всех «самовольцев» проживает в области более 2-х лет, срок вполне достаточный для того, чтобы освоиться с местными условиями» [11, с. 26].

К 1910 году проблема самовольцев достигла своего апогея во всем Степном крае. «Из всех проживавших к 1-му августа (1910 года – С.С.), – пишет об этом процессе сборник «Вопросы колонизации» за 1910 год, – в районе (Тургайско-Уральском – С.С.) 30663 самовольных переселенцев (мужского пола) зачислили за собой землю, из числа всем им предоставленных долей, лишь 15354 души мужского пола. Остальная половина

самовольцев, в 15309 душ мужского пола, не воспользовалась предоставленным им правом зачисления, предпочитая, как об этом многие из них заявляли, выждать того благоприятного момента, когда им будут предоставлены для зачисления доли в месте их проживания; при этом отмечалось общее явление: прибывшие в район позднее устраивались поохотнее, нежели старые самовольцы» [12, с. 7].

В 1911 году число самовольных переселенцев становится еще меньше, что было в первую очередь связано с сокращением движения их из Европейской России, с переходом временно-проживающих переселенцев в другие регионы (открытие ходачества на Дальний Восток – С.С.), а в большей степени с их официальной припиской в областях Степного края.

Начиная с 1912 года, проблема самовольных и временных переселенцев, становится менее актуальной. В статистических материалах ей уделяется мизерное внимание. Речь идет, в первую очередь, о движении переселенцев с занятых участков: «Не довольствуясь средним по качеству участком и стремясь скорее улучшить свое благосостояние без особых затрат труда и средств, переселенцы идут дальше за поисками «особенной» земли на Дальний Восток, слыша, как разбогатели там старожилы» [13, с. 9]. Процесс стихийного переселения в Степном крае пошел на убыль. Число водворенных переселенцев, по официальным данным, сократилось в 1913 году на 6772 человека [14, с. 11], а в 1915 году переселенческий процесс и вовсе пошел на убыль, сменившись, в связи с началом Первой мировой войны, проблемой беженцев [15, с. 10-17]. Самовольные переселения вновь приобрели актуальность после Гражданской войны в 1920-е годы, когда голод и неразбериха погнали «новых поселенцев» в регионы Степного края, показав устойчивую цикличность данного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кокоулин П. Ход переселения, водворения и хозяйственного устройства переселенцев в Тургайской области. // Вопросы колонизации. / под ред О.А. Шкапского – СПб., 1906. №1.
2. Кауфман А.А. Переселенцы-арендаторы Тургайской области. – СПб., 1897.
3. Кауфман А.А. По новым местам. – СПб., 1905.
4. Коншин Н. Краткий статистический очерк промышленности и торговли в Акмолинской области за 1880-1894 гг. – Омск, 1896.
5. Обзор Акмолинской области за 1894 год. – Омск, 1896.
6. Обзор Акмолинской области за 1895 год. – Омск, 1897.
7. Обзор Акмолинской области за 1898 год. – Омск, 1900.
8. Обзор Акмолинской области за 1902 год. – Омск, 1903.
9. Обзор Акмолинской области за 1905 год. – Омск, 1906.
10. Обзор Акмолинской области за 1909 год. – Омск, 1910.
11. Обзор Акмолинской области за 1910 год. – Омск, 1911.
12. Вопросы колонизации. / под ред. Г.Ф. Чиркина и Н.А. Гаврилова. – СПб, 1910. № 7.
13. Обзор Акмолинской области за 1912 год. – Омск, 1913.
14. Обзор Акмолинской области за 1913 год. – Омск, 1915.
15. Обзор Акмолинской области за 1915 год. – Омск, 1917.

Самошкина Л.Н., доцент

Костанайский государственный педагогический институт

**СПЕЦИФИКА АНГЛИЙСКОГО (ИРЛАНДСКОГО) МОДЕРНИЗМА.
ДЖЕЙМС ДЖОЙС**

1019-1920-е годы – период формирования модернизма в художественную систему. Модернизм («современный») вобрал в себя особенности эпохи, наполненной множеством масштабных событий и перемен. В творчестве писателей-модернистов отразилось присущее им новое художественное мышление, формирующееся под воздействием действительности. Модернисты выступают смелыми экспериментаторами в своем творчестве. Их объединяет обостренный интерес к внутренней жизни человека, миру его чувств, особенностям восприятия окружающего, к работе памяти и сознания.

В английской литературе яркие представители модернизма – Вирджиния Вулф, Дэвид Герберт Лоуренс; в поэзии мэтром модернизма признан англо-американский поэт Томас Стернз Элиот. Ирландец Джеймс Джойс – «самый примечательный»

(по словам В.Вулф) среди молодых модернистов, а его роман «Улисс» был воспринят как энциклопедия модернистского искусства. Джойс, наряду с Прустом и Кафкой, – один из «отцов модернизма». Свое понимание задач художника Джойс связывает со стремлением к всеобъемлющим формам изображения основных законов бытия, к созданию «универсалии» жизни с присущим ей взаимодействию страстей, импульсов, побуждений, инстинктов. Поиски способов реализации этой задачи он осуществляет в своем творчестве. Как основной прием он утверждает «поток сознания», экспериментирует в передаче его движения, проникает в тайны подсознания. Традиционные элементы структуры классического романа сменяются новыми принципами подачи и организации материала (передача потока сознания, перебои мысли, параллельное и перекрещивающееся движе-